

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.56

DOI: 10.17223/1998863X/60/13

Д.О. Дунаева

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОЖАН КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КОМФОРТНОГО ГОРОДА (ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Рассматривается проблема участия горожан в определении текущего состояния городской среды и актуальных направлений ее развития. Акцентируется внимание на различиях в понимании комфортности города у горожан и градоправителей. На основании анализа дискурсивных практик горожан выделены витальные и экзистенциальные категории комфортности городского пространства, а также общие оценки г. Томска.

Ключевые слова: городское пространство; комфортность города; качество городской среды; дискурсивные практики; образ города; управление городом.

Введение

В современных условиях интерес к городскому пространству как объекту исследования увеличивается в связи с нарастанием темпов урбанизации и трансформацией роли города. Города являются теперь не только экономическим и территориальным субъектом, но и социокультурным пространством взаимодействия различных городских сообществ. Предметная область изучения города расширяется, смещаясь в сторону ценностно-смыслового пространства, город теперь воспринимается как феномен, включающий в себя не только объективные физические параметры, но и интерсубъективные представления горожан о нем, как ценностно-символическая система их мировоззренческих установок.

Традиционно развитием городского пространства занимались властные структуры, однако с точки зрения социокультурного подхода к городу [1, 2] катализатором его развития выступают горожане – их жизненные стратегии, интересы, притязания, их личные смыслы и значения формируют запрос на комфортный город. Представители власти выражают свое понимание комфорта путем вкладывания средств в развитие определенных областей или в политические программы, горожане же выражают его иначе – в процессах коммуникации, социальных взаимодействий в вербальной форме, т.е. посредством конструирования дискурсивных практик. Дискурсы тесно связаны с понятием языка – они существуют в его рамке: «он [язык] диктует исследовательскую оптику: мы видим то, что видим, потому что описываем это так, как описываем» [3. С. 19]. Когда физический объект определяется в сознании и фиксируется в речи определенным образом, он наделяется рядом функций, к

которым впоследствии стремится. Дискурсы, т.е. определения ситуаций с помощью языка, являются важным аспектом развития города, поскольку формируют отношение горожан к проблемам и перспективам его развития.

Итак, комфортный город становится актуальным запросом городских сообществ и первостепенной задачей властных структур, однако представления о комфортности, формирующиеся в процессе повседневных социальных практик и транслирующиеся в дискурсах, значительно разнятся у этих субъектов, помимо этого, в настоящей момент отсутствует диалог между ними, что ведет к рассогласованности действий и нерациональному использованию ресурсов в контексте развития городской среды.

В связи с этим становится актуальным поиск ответа на вопросы: каковы дискурсивные практики горожан о городе, в котором они живут? Считают ли они комфортным свой город, какие критерии комфортности выделяют? На что в первую очередь обращают внимание при оценке городской среды?

Гипотеза исследования: в потребностях горожан к качеству городской среды произошел сдвиг от витальных к экзистенциальным, для горожан при оценке городского пространства более важными критериями являются эмоциональная симпатия и воспоминания, нежели физические характеристики городской среды.

Теоретико-методологические основания исследования

1. Социальный конструкционизм: какой будет реальность (город), зависит от людей (горожан), поскольку они являются активным субъектом конструирования желаемой реальности – комфортного города. Горожане отбирают значимые для них факты в процессе повседневного взаимодействия. Этим впоследствии обуславливаются их дискурсивные практики и реальные практические действия в городе.

В работах П.Л. Бергера и Т. Лукмана [4] сформулирован основной тезис социального конструктивизма – люди сами конструируют социальную реальность в целом и ее отдельные элементы. Они рассматривают пути создания людьми социальных феноменов, которые институционализуются и превращаются в объективную реальность. Социальное конструирование реальности идет постоянно, в процессе интерпретации уже существующих феноменов. Представление о реальности является продуктом договоренности людей: «Таким образом, социологический интерес к проблемам „реальности“ и „знания“ объясняется прежде всего фактом их социальной относительности. То, что реально для тибетского монаха, не может быть реальным для американского бизнесмена» [4. С. 6].

М. Фуко [5, 6] выдвинул и обосновал тезис о том, что, используя те или иные языковые конструкции, создавая дискурс, люди, тем самым, задают видение и понимание мира: «языковая норма бессознательно предопределяет языковое поведение, а, следовательно, и мышление индивидов» [7]. Реальность конструируется вербально в ходе интерпретации и обсуждения некоторой объективной реальности – окружающего человека мира.

Одним из методологических принципов социального конструктивизма является теорема Томаса: «Ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям» [8. С. 29]. Ее смысл заключается в том, что люди действуют в зависимости от того, как они определяют ситуации – «об-

ественные определения ситуации (пророчества или предсказания) становятся неотъемлемой составляющей ситуации и тем самым влияют на последующие события» [8. С. 29].

В рамках концепции социального конструктивизма важно отметить, как воспринимается пространство города, какую роль оно играет в повседневной жизни горожан, что делает такое пространство общественным.

А. Лефевр предлагает неомарксистскую концепцию пространства. В своих работах он впервые начал говорить об идее производства пространства. Она заключается в том, что городское пространство создается горожанами в процессе экономических, культурных и социальных практик. В этой связи город можно определить, как социокультурную, аутопойетическую, саморазвивающуюся систему. Пространство, по Лефевру, динамично и зависит от социальных отношений. В своей работе «Производство пространства» [9] он пытается объяснить наличие связи между физическим, ментальным и социальным пространствами.

Ш. Зукин [10] в своих работах выделяет следующие критерии публичного пространства: оно должно быть, во-первых, общественно управляемым, во-вторых, открытым для всех и, в-третьих, цели людей, взаимодействующих в его рамках, должны быть общественными, а не частными.

Р. Сеннет [11] также полагает, что публичное пространство – это место множественных встреч, социальных взаимодействий и коммуникаций без какой-либо цели, а только лишь ради самих встреч, ради социальной жизни. Самое важное, что характеризует публичную сферу, – это коллективные события, в ней происходящие. Городское пространство должно обладать свойством объединения, делать возможными определенные виды активности, которые нельзя себе представить или нельзя реализовать в приватной сфере.

Таким образом, в рамках социального конструкционизма горожанам отводится основная роль в процессе изменения городского пространства, которое, в свою очередь, представляется как пространство взаимодействия, где происходит обмен дискурсами и прочие социальные практики, в ходе реализации которых и формируется город.

2. Гуманитарная география связана с принятием управленческих решений для повышения уровня комфортности городской среды посредством выявления множественных реальностей места, установления смыслов, которые вкладывают в него горожане [12]. И.И. Митин [13, 14] пишет о том, что такой подход может помочь определить уязвимые, проблемные, с точки зрения горожан, моменты характеристик места, специфику ситуации востребованности места, отношение к нему и своевременно принять необходимые меры, в перспективе – выработать наиболее адекватные формы и механизмы организации системы «человек–среда», осуществив, тем самым, управление средовым (среда = пространство + территория) развитием конкретных «мест» в городе.

Ряд исследователей в своих работах сравнивают российские города с зарубежными и дают рекомендации управленцам по улучшению качества жизни в них на основании полученного опыта. Так, П.Н. Саньков [15] актуализирует необходимость наличия соседского сообщества на примере финских «meeting rooms» – общих комнат для обсуждения важных, с точки зрения жильцов, вопросов. М.С. Мартынова описывает опыт города Куритиба (Бразилия), где специально созданный Институт исследования и планирования во

главе с мэром города занимается разработкой дизайна городских пространств и новых нетривиальных методов решения проблем города под лозунгом «Город – это не проблема, город – это решение!» [16]. Управленцы этого города смогли создать комфортную среду при минимальном бюджете, например, из-за отсутствия средств на газонокосилки для парков, власти выпустили туда пастись «муниципальных» овец. Была создана система раздельного сбора мусора, расширены тротуары, улучшен общественный транспорт, все это удалось реализовать благодаря ответственному отношению группы архитекторов к созданию комфортных условий для жизни. Автор предлагает реализовать такой подход в российских городах. М.Е. Суворова обращает внимание на рассогласованность образа города, транслируемого администрацией Вологды и имеющегося у его жителей. Она изучает дискурсы о городе, которые продвигают власти, и делает вывод, что они не получают отклика от горожан, поскольку не имеют отражения в действительности, – это «метафизические бренды» [17]. Здесь проявляются идеи гуманитарной географии – акцентируется внимание на роли горожан в управлении городским пространством.

3. Географическая герменевтика утверждает, что у геокультурного пространства есть духовная составляющая, заключающаяся в формировании для человека значения, смысла места и вызывающая у него эмоции. И.П. Корнев [18] рассматривает характеристики геокультурного пространства: 1) системность – в геокультурном пространстве или «местах» элементы взаимосвязаны между собой, что обеспечивает их устойчивость и автономность; 2) динамичность – «места» непрерывно меняются, вместе с тем как меняется их восприятие в сознании горожан; 3) уникальность – каждое «место» неповторимо, поскольку имеет специфический набор смыслов; 4) информативность – «место» посылает индивиду, который в нем находится, информацию, дает указания к действию. Марк Оже [19] также делал в своих работах акцент на важности смыслового определения горожанами пространств, в которых они пребывают. Он ввел термин «не-место» для обозначения таких пространств, которые не выполняют ни идентифицирующую, ни связующую, ни историческую функцию для горожан, т.е. являются «пустыми» с точки зрения их значимости. Не-места, по мнению М. Оже, никак не влияют на идентичность горожан, не соединяют в себе прошлое и современность, у них нет связи с жителями города. Например, перекрестки Оже считает местами, ведь там люди встречаются друг с другом, а транспортные развязки – не-местами. В целом можно сказать, что не-места, по мнению М. Оже, – это все пространства, где человек находится временно и вынужденно: залы ожидания аэропортов, вокзалов, отели и другие, т.е. в них человек не живет постоянно, они связаны с мобильностью и путешествиями, поэтому им не присуща аутентичность, история, отношения и идентичность. По мнению автора, чем больше не-мест в городе, тем менее комфортным он является для горожан. Дорин Б. Массей, М. Кастельс [20, 21], в отличие от М. Оже, определяют место как точку пространства, которая пропускает через себя потоки и движения, она не обязательно должна быть историчной, идентифицирующей, связующей или аутентичной, достаточно того, чтобы она занимала определенное положение в сети и имела взаимосвязь с другими элементами сети. Однако

общим у этих подходов остается восприятие пространства городов как необходимо наделенного смыслом и отвечающего притязаниям горожан на него.

В работах о комфортности городского пространства можно проследить сдвиг интереса исследователей в сторону ценностно-смыслового аспекта, в чем и проявляется главная идея географической герменевтики – акцент на важности смыслов, значений, которые горожане придают городским пространствам. Они указывают на важность наличия благоприятных условий для отдыха горожан – «разнообразие общественных пространств и способов проведения досуга перевешивает планировочные и экологические недостатки крупных городов» [22. С. 271], т.е. необходимость решать проблемы, связанные с физическим пространством города, стоит не так остро. Горожане делают город целостным, если используют его пространства, в противном случае он распадается на отдельные локусы, что негативно сказывается на его комфорте. А.А. Паукаева и В.И. Лучкова [22] делают акцент на важности создания комфортных общественных пространств в городе, поскольку они дают людям возможность чувствовать себя причастными к обществу, самовыражаться и ощущать безопасность.

4. Экоантропоцентрическая парадигма, идеи которой описаны в работах Т.М. Дридзе [23–26], включает в себя: а) принцип социального участия, который заключается в предоставлении населению права участвовать в модернизации городской среды; б) идею активного субъекта – люди, а не группы или структуры, являются субъектом изменений; в) идею необходимости коммуникации, взаимодействия – определение состояния окружающей реальности; деятельность по ее изменению или развитию, разработка вариантов решения проблем могут протекать только в режиме коммуникации между всеми заинтересованными субъектами, существующими в этой реальности.

В последнее время наблюдается значительный интерес властных структур к проблемам городского пространства как ответ на претензии горожан к качеству жизни в городе. Управленцы перестали игнорировать тот факт, что город должен быть не только функциональным и экономически эффективным, но и комфортным. В связи с этим появились такие проекты, как «Умный город», он реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика» [27] и представляет собой комплекс мероприятий, целью которых является создание комфортной среды за счет цифровизации различных сфер жизнедеятельности города. В методических рекомендациях Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации заявлены пять принципов проекта [27]: ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная и безопасная среда, акцент на экономической эффективности. Проект позиционирует себя как ориентированный на человека, однако в его положении не указано, что авторы подразумевают под комфортностью среды. Минстрой для улучшения качества городской среды предлагает цифровизировать сферу ЖКХ, транспорта, управления, т.е. в основном внимание уделяется витальным аспектам жизнедеятельности горожан. Несмотря на это, одна из задач проекта – обеспечить диалог между представителями власти и горожанами с помощью мобильного приложения, таким образом вовлекая жителей в управление городом. Помимо этого, горожане имеют возможность

предлагать свои проекты в Банк решений умного города, что должно позитивно сказываться на формировании их идентичности и ответственности за город. Таким образом, в действиях властных структур прослеживается позитивная динамика, хотя основные понятия, используемые в проекте, нуждаются в более детальной операционализации. Тем не менее данный проект учитывает все ключевые аспекты экоантропоцентрической парадигмы – акцентирует внимание на важности участия, включения горожан, формирования у них желания менять городскую среду, а также воплощает в себе основную идею социального конструкционизма – взаимозависимость качества городского пространства и притязаний на это качество со стороны горожан.

Таким образом, исследователи города уделяют внимание факторам, из которых складывается комфортность города, более детально изучают этот вопрос, обращают внимание на важность участия в планировании местных жителей, а также их диалога с властью для согласования представлений о качестве городской среды и направлений развития городского пространства.

Методы и источники данных

Метод сбора информации: полуформализованное интервью.

Метод анализа информации: дискурс-анализ.

Методы отбора информантов: панель добровольцев, метод снежного кома.

Критерии отбора информантов: 1) зарегистрирован в г. Томск; 2) проживает в г. Томск постоянно. Выборка является целевой и заключается в отборе информативно богатых случаев.

Поскольку горожане теперь выступают активным субъектом изменений городской среды, представляется актуальным установить, какой же город они будут считать комфортным, какие притязания они транслируют в процессе своих повседневных социальных практик, в том числе дискурсивных. С этой целью было проведено исследование, объектом которого выступали жители Томска. Было проведено 22 полуформализованных интервью, в ходе которых горожане в свободной форме высказывали свое отношение к городу в целом, акцентировали внимание на своих ценностях в контексте городской среды, указывали на недостатки городского пространства, а также детально описывали свое понимание комфортности городской среды.

Полученные результаты

Акцентируем еще раз внимание на понимании комфортности города. Наиболее актуальным является определение Т. Дридзе: «Любые фрагменты городской среды хороши, если они коммуникативны и, значит, осмысленны и гуманны. Это рождает у человека ощущение комфорта, желание остановиться и посмотреть вокруг, посидеть на скамейке в скверике, просто пройти по знакомым и любимым улицам своего города, чувствуя свою причастность ко всему, что здесь происходило, происходит и произойдет в будущее» [28. С. 96]. В рамках исследования важно было установить, совпадает ли понимание комфортности информантов с этим определением, а также понять, как они оценивают комфортность Томска.

В общем можно сказать, что большинство информантов понимают комфортный город как место, где каждый человек был бы обеспечен всем, что

для него важно, и при этом не мешал жизни других людей. Однако есть мнение о том, что город не должен быть комфортным, так как комфортность предполагает усреднение, стирание индивидуальности. Такая точка зрения означает, что люди должны самостоятельно обеспечивать себе удобство, т.е. они должны приспособиться под город, а не наоборот. Город воспринимается как нечто независимо существующее, живое и индивидуальное, что не может нравиться всем: *«В городе не должно быть комфортно, в городе должно быть просто удобно жить... Если город будет комфортным, он будет неинтересным, потому что комфортность – это общее требование, а люди все разные. Он будет просто большим домом, общежитием, т.е. он не будет городом. У него не будет своего лица, своей культуры, потому что это разные понятия. Мне должно быть комфортно дома, мне должно быть комфортно на рабочем месте... но мне не должно быть комфортно в городе»* (Ж, 30). Это можно считать альтернативным взглядом на городскую среду.

Общие оценки комфортности г. Томска. Что касается Томска, мнения информантов разделились. Можно выделить два аспекта, по которым оценивали город в общем: ретроспективная оценка и территориально-государственная оценка.

1. Негативные мнения выражались так: «Что касается меня, то чисто для меня нет [не комфортный]. Я бы не очень хотела тут жить... У них [в Канаде] очень большие налоги на все, но за эти налоги видно результат. У них нет коррупции, нет воровства, у них очень серьезные наказания. Люди сами по себе другие. Там все сделано для человека. Законы написаны под людей, отношение более человеческое» (Ж, 33) – территориально-государственная оценка; «Мне есть с чем сравнивать. Я жил здесь в советское время. Томск был очень чистый и другой...» (М, 55) или «Он [город] перестал быть комфортным... Раньше был комфорт, раньше мы могли гордиться своими дорогами, своими чистыми газонами» (Ж, 48) – ретроспективная оценка.

2. Комбинированные оценки: «Не совсем [комфортный]. Здесь есть и то, что мне, безусловно, нравится, и то, чего мне не хватает» (Ж, 24) или «По современным меркам... нет, естественно мы очень далеки от того иллюзорного, идеального, к чему нужно стремиться. Но, в принципе, мы достаточно близки к этому. Я не думаю, что мы хуже, чем остальные» (Ж, 29). Здесь видна противоречивость высказываний информантов: несмотря на то что их не устраивают определенные моменты, городом они довольны и уезжать не хотят.

3. Позитивные оценки: несмотря на то что абсолютно все информанты критикуют Томск по большинству критериев, указанных ниже, позитивные оценки – не редкость. Они эмоционально окрашены, выражают уверенность в лучшем будущем: «Я люблю Томск, я верю, что все свои проблемы он сможет преодолеть. Люди какие-то социальные ипохондрики, паникуют раньше времени, кричат, что уже ничего не исправить, что мы погрязли... а вот на Западе, а в Америке вообще... [все хорошо]» (Ж, 31). Территориально-государственная оценка: «Несмотря на все, Томск хороший город. И люди тоже не как в Москве – все бегут, все злые, никому ни до кого дела нет. У нас более-менее народ нормальный. Нет, в Томске бы я и осталась. Везде проблемы есть, без этого не бывает. Это же не Луна и не Марс, это Земля,

тем более Россия. Где угодно есть проблемы, в любой стране» (Ж, 55). Ретроспективная оценка: «Какая сейчас красивая Ушайка стала! Раньше все было заросшее, река вся в тине была, в мусоре. Улица Обруб – там сейчас все здания отреставрировали... Раньше ужас что творилось – темно, страшно, деревьяшки заваленные. Этот уголок мой любимый. Я помню все эти места раньше, каким они были захолустьем, и вот буквально за несколько лет все изменилось» (Ж, 55).

Таким образом, как общее понимание комфортности, так и оценки Томска весьма противоречивы. Оценки включают ретроспективный и территориально-государственный аспекты, делятся на негативные, комбинированные и позитивные. Чтобы понять причины противоречий, обратимся к конкретным категориям комфортности города, релевантным для информантов.

Категории комфортности города. Мы определили, что информанты вкладывают в понятие комфортности, установили противоречивость оценок г. Томска, предположительно это связано с многоаспектностью понятия, поэтому важно определить, на основании каких категорий оно формируется. Гипотеза нашего исследования состояла в том, что экзистенциальные потребности горожан преобладают над витальными, что сказывается и на требованиях к качеству городской среды. Поэтому выделенные категории мы разделили на две группы – связанные с витальными и экзистенциальными потребностями горожан (рис. 1).

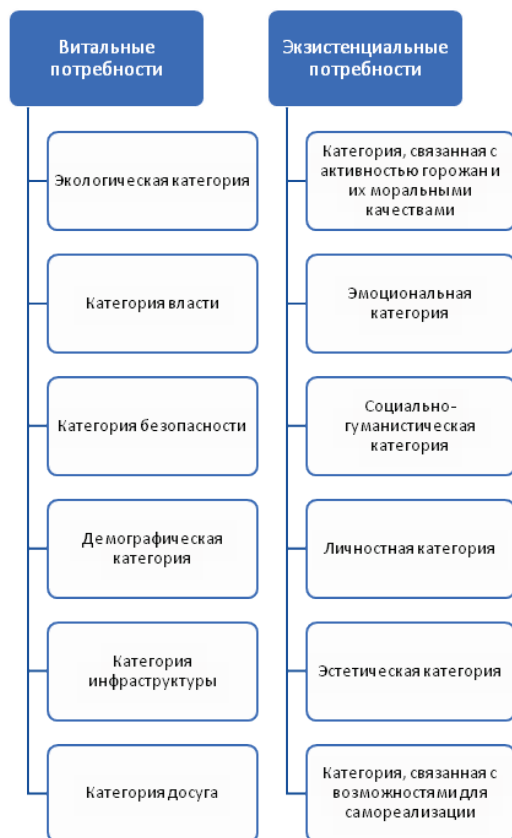

Рис. 1. Категории комфортности городской среды

Категории, связанные с витальными потребностями, не являются новыми и всегда фигурируют в официальных рейтингах качества городской среды. Сюда входит экологическая категория (состояние воздуха, воды, почвы, уровень радиации, зеленые насаждения, количество пыли, уровень шума, запахи, мусор в городе (мусорные баки, в том числе для раздельного сбора мусора, урны, свалки как в городе, так и за его чертой)); категория власти (личная заинтересованность властей в развитии города, наличие обратной связи от властных структур); категория безопасности (гарантия того, что экологические показатели находятся на стабильном уровне, что нет террористической угрозы, агрессивных бездомных животных, которые могут напасть, хорошее освещение, защита полиции, а также внутреннее чувство безопасности); демографическая категория (размер и возраст города, количество мигрантов); категория инфраструктуры (состояние дорог, наличие детских садов, школ, качество общественного транспорта, уровень медицины, уровень сервиса, предоставления услуг, состояние тротуаров, работа ЖКХ); категория досуга (наличие мест, в которых люди могли бы проводить свободное время, а также организация мероприятий, т.е. развитость общественной и культурной жизни города).

Категории, имеющие отношение к экзистенциальным потребностям, связаны лично с горожанами. Категория, связанная с активностью горожан, их моральными качествами (насколько горожане проявляют инициативу для развития городской среды); эмоциональная категория (внутреннее ощущение комфорта, чувство, что ты находишься на своем месте); социально-гуманистическая категория (отношение горожан к бездомным людям, людям, просящим милостыню, детям-сиротам, беспризорникам, одиноким старикам, инвалидам и другим мало защищенным группам населения); личностная категория (личные связи, знакомства, семья, воспоминания); эстетическая категория (внешний вид города, его архитектура, оформление цветочными клумбами летом, новогодними украшениями зимой); категория, связанная с возможностями для самореализации (возможность заниматься тем, что нравится, возможность реализовывать свои представления о городе).

Таким образом, можно сделать вывод, что понимание комфортности города сильно дифференцировано по различным категориям, имеющим разную степень значимости для горожан. Факт того, что количество экзистенциальных категорий равно количеству витальных, говорит о том, что для жителей фокус внимания сместился к городской среде (витальный аспект) – потребности в здоровом образе жизни, обеспечении элементарных нужд становятся само собой разумеющимися и отходят на второй план. Наибольшую значимость приобретает экзистенциальный аспект – необходимость самореализации, воплощения в городе своих желаний, возможность влиять на среду проживания, т.е. реализовывать свои ценностно-смысловые представления о том, каким должен быть город. Итак, гипотеза нашего исследования подтвердилась. Об этом говорит наличие категорий, отнесенных нами к экзистенциальным. Стоит отметить, что все они, а также категория власти, отсутствуют в официально принятых рейтингах оценки качества городской среды [29]. Однако в большинстве из них присутствует категория экономического благосостояния населения, которая не была упомянута информантами. Эти рей-

тинги отражают представления власти о комфортности города, поскольку приняты на государственном уровне, что еще раз указывают на разницу в понимании комфорта власти и горожан.

Заключение

Горожане являются активным субъектом развития городской среды, свой запрос на комфортность города они формулируют и выражают с помощью дискурсов. В связи с этим актуальной проблемой становится определение критериев комфортности городской среды и отношения горожан к городу через анализ их дискурсивных практик. С этой целью было проведено исследование, объектом которого выступали жители г. Томска. В общей сложности состоялось 22 полуструктуризованных интервью, в ходе которых горожане в свободной форме высказывали отношение к городу в целом, акцентировали внимание на своих ценностях в контексте городской среды, указывали на недостатки городского пространства, а также детально описывали свое понимание комфортности городской среды. В качестве метода анализа выступал дискурс-анализ текстов интервью.

Основные выводы исследования:

1. Информанты понимают комфортный город как место, где каждый человек был бы обеспечен всем, что для него важно, и при этом не мешал жизни других людей, эта точка зрения предполагает, что город должен меняться в соответствии с запросами горожан, однако существует и альтернативный взгляд на город, связанный с его пониманием как независимого саморазвивающегося организма, под который должны подстраиваться жители.

2. Оценки г. Томска разнообразны и противоречивы, они включают в себя ретроспективный и территориально-государственный аспекты, делятся на негативные, комбинированные и позитивные. При оценке информанты руководствуются, в первую очередь, личными ценностями и смыслами. В связи с этим для лучшего понимания комфортности необходимо проанализировать критерии оценки городской среды.

3. Категории комфортности города мы разделили на две группы – связанные с витальными (экологическая категория, категория власти, категория безопасности, демографическая категория, категория инфраструктуры, категория досуга) и экзистенциальными потребностями горожан (категория, связанная с активностью горожан, их моральными качествами, эмоциональная категория, социально-гуманистическая категория, личностная категория, категория, связанная с возможностями для самореализации). Их количество равно, т.е. можно сделать вывод, что в настоящий момент удовлетворение витальных потребностей горожан в городской среде становится само собой разумеющимся и отходит на второй план, в то время как экзистенциальные потребности наиболее актуальны и именно на них в большей степени обращают внимание горожане при формировании запроса к качеству городского пространства.

Однако градоправители при планировании направлений развития городской среды делают упор именно на витальные категории, что подтверждается официальными рейтингами качества городов – в них практически отсутствуют экзистенциальные категории.

Таким образом, в ходе исследования подтвердился тот факт, что понимание комфортности представителей власти и горожан различно. Следовательно, очевидна возникшая необходимость формирования общего смыслового поля взаимодействия, диалога между властными структурами и горожанами, направленного на согласование представлений и формирование общих целей для развития города.

Литература

1. Пирогов С.В. Концептуальные модели управления развитием города // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 114–128.
2. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3 (66). С. 80–94.
3. Вахитайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
4. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
5. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159–262.
6. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 47–97.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
8. Хаустов Д.С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социс. 2012. № 7. С. 29–36.
9. Lefebvre H. The production of space. Wiley-Blackwell, 1991. 464 p.
10. Zukin S. The cultures of cities. Malden and Oxford : Blackwell Publishing, 1995.
11. Sennett R. The public realm / R. Sennett, G. Bridge, S. Watson (Eds.). London : Blackwell Publishers, 2010.
12. Yi-Fu Tuan. Espace et lieu; la perspective de l'expérience. Paris : Infolio, 220 p.
13. Митин И.И. Мифогеография: новые механизмы интерпретации пространства. URL: <https://refdb.ru/look/2793104.html> (дата обращения: 15.10.2017).
14. Митин И.И. От когнитивной географии и мифогеографии: интерпретации пространства и места // Первая российская конференция по когнитивной науке : тез. докл. Казань : КГУ, 2004. С. 163–165.
15. Саньков П.Н., Ткач Н.А., Збиренко В.В., Накутная А.С. Комфортное общественное пространство в большом городе // Архитектура, градостроительство, историко-культурная и экологическая среда городов Центральной России, Украины и Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного архитектора РФ В.Н. Городкова. Брянская государственная инженерно-технологическая академия. 2014. С. 381–384.
16. Мартынова М.С. Инновационные решения в организации комфортной городской среды на примере города Куритиба (Бразилия) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 2. С. 413–421.
17. Суворова М.Е. Образ идеальной Вологды: «город добрых дел», «культурная столица русского севера» или «комфортный город»? // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 2013. С. 329–332.
18. Корнев И.Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства // Региональные исследования. 2008. № 1. С. 3–9.
19. Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Paris : Seuil Publ., 1992. 155 p.
20. Massey D. For space. London : SAGE Publications, 2005. 222 p.
21. Castells M. End of Millennium: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Oxford : John Wiley & Sons, 2010. Vol. 3. 488 p.
22. Паукеева А.А., Лучкова В.И. Формирование комфортной среды открытого общественного пространства города в условиях холодного климата // Новые идеи нового века : материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. 2016. Т. 1. С. 269–275.
23. Дридзе Т.М. На пороге эокантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 97–103.

24. Дридзе Т.М. Социально значимые процессы как объект управления (к экоантропоцентрической парадигме научного познания социальной реальности) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1993–1994. № 3–4. С. 164–170.

25. Дридзе Т.М. Урбанизм и городская политика в свете экоантропоцентрической социологии // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры, отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999. С. 219–228.

26. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. № 2. С. 95–105.

27. Проект цифровизации городского хозяйства «умный город». URL: https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/?sphrase_id=954746 (дата обращения: 23.04.2020).

28. Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градостроительстве // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 94–98.

29. Рейтинг городов по качеству жизни (2011 г.) // Mercer Human Resource Consulting. URL: <http://www.education-medelle.com/articles/rejting-gorodov-po-kachestvu-zhizni.html> (дата обращения: 23.04.2020).

Daria O. Dunaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: darya.dunaewa@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 137–150.

DOI: 10.17223/1998863X/60/13

DISCURSIVE PRACTICES OF CITIZENS AS A COMMUNICATIVE MECHANISM FOR FORMING THE IMAGE OF A COMFORTABLE CITY (PRACTICAL RESEARCH EXPERIENCE¹)

Keywords: urban space; comfort of city; quality of urban environment; discursive practices; image of city; city management.

Citizens are an active subject of the urban environment development, they formulate and express their request for the comfort of the city through discourses. In this regard, an urgent problem is to determine the criteria for the comfort of the urban environment and the attitude of citizens to the city through the analysis of their discursive practices. For this purpose, a study was conducted, the object of which was the residents of the city of Tomsk. A total of 22 semi-formal interviews were held, during which citizens freely expressed their attitude to the city as a whole, focused on their values in the context of the urban environment, pointed out the shortcomings of the urban space, and described in detail their understanding of the comfort of the urban environment. The method of analysis was discourse analysis of interview texts. The main conclusions of the study are the following. Firstly, the informants understand a comfortable city as a place where citizens have everything that is important to them and, at the same time, do not interfere with other people's lives. Secondly, the assessments of Tomsk are diverse and contradictory; they include retrospective and territorial-state aspects, are divided into negative, combined and positive. When giving assessments, the informants are guided primarily by personal values and meanings. In this regard, for a better understanding of comfort, it is necessary to analyze the criteria for evaluating the urban environment. Thirdly, the categories of comfort of the city have been divided into two groups – related to vital (environment, power, security, demography, infrastructure, leisure categories) and existential (citizens' activity, citizens' moral qualities, emotional, socio-humanistic, personal, self-realization opportunity categories) needs of citizens. They are equal in number; thus, it can be inferred that at the moment the satisfaction of citizens' vital needs in the urban environment becomes a matter of course and takes a back seat, while existential needs become the most relevant. It is existential needs that citizens pay more attention to when forming a request for the quality of the urban space. However, when planning the development of the urban environment, city managers focus on vital categories, which is confirmed by official ratings of the quality of cities – there are practically no existential categories in them. Thus, the study confirms the fact that the understanding of the comfort by government representatives and by citizens is different. Therefore, it is obvious that there is a need to form a common semantic field of interaction,

¹ See Dunaeva, D.O. (2018) *Discursive practices of citizens as a mechanism for constructing places in the city*. Master's Thesis in Sociology (39.04.01), <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:8161> (In Russian).

a dialogue between government structures and citizens to coordinate ideas and form common goals for the development of the city.

References

1. Pirogov, S.V. (2012) Conceptual models of city development management. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(17). pp. 114–128. (In Russian).
2. Harvey, D. (2008) Pravo na gorod [The right to the city]. *Logos*. 3(66). pp. 80–94.
3. Vakhshtayn, V. (2014) Reassembling the City: Between Language and Space. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 2. pp. 9–38. (In Russian).
4. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
5. Foucault, M. (2008) Diskurs i istina [Discourse and truth]. *Logos*. 2(65). pp. 159–262.
6. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to Truth: Beyond Power, Knowledge and Sexuality. Works of Different Years]. Translated from French. Moscow: Kastal'. pp. 47–97.
7. Foucault, M. (2004) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
8. Khaustov, D.S. (2012) Teorema Tomasa i osobennosti konstruirovaniya sotsial'noy real'nosti cherez massovye kommunikatsii [Thomas's theorem and social reality construction through mass communications]. *Sotsis – Sociological Studies*. 7. pp. 29–36.
9. Lefebvre, H. (1991) *The production of space*. Wiley-Blackwell.
10. Zukin, S. (1995) *The cultures of cities*. Malden and Oxford: Blackwell Publishing.
11. Sennett, R., Bridge, G. & Watson, S. (eds) (2010) *The Public Realm*. London: Blackwell Publishers.
12. Yi-Fu Tuan. (2006) *Espace et lieu; la perspective de l'expérience*. Paris: Infolio.
13. Mitin, I.I. (n.d.) *Mifogeografiya: novye mekhanizmy interpretatsii prostranstva* [Mythogeography: new mechanisms for interpreting space]. [Online] Available from: <https://refdb.ru/look/2793104.html> (Accessed: 15th October 2017).
14. Mitin, I.I. (2004) Ot kognitivnoy geografii i mifogeografii: interpretatsii prostranstva i mesta [From cognitive geography and mythogeography: interpretations of space and place]. In: Gusev, A.N. & Soloviev, V.D. (2004) *Pervaya rossiyskaya konferentsiya po kognitivnoy nauke* [First Russian Conference on Cognitive Science]. Kazan: Kazan State University. pp. 163–165.
15. Sankov, P.N., Tkach, N.A., Zhirenko, V.V. & Nakutnaya, A.S. (2014) Komfortnoe obshchestvennoe prostranstvo v bol'shom gorode [Comfortable public space in a big city]. *Arkhitektura, gradostroitel'stvo, istoriko-kul'turnaya i ekologicheskaya sreda gorodov Tsentral'noy Rossii, Ukrainy i Belarusi* [Architecture, urban planning, historical, cultural and ecological environment of the cities of Central Russia, Ukraine and Belarus]. Proc. of the International Conference. Bryansk State Engineering and Technological Academy. pp. 381–384.
16. Martynova, M.S. (2015) Innovatsionnye resheniya v organizatsii komfortnoy gorodskoy sredy na primere goroda Curitiba (Braziliya) [Innovative solutions in the organization of a comfortable urban environment: a case study of Curitiba (Brazil)]. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA*. 2. pp. 413–421.
17. Suvorova, M.E. (2013) Obraz ideal'noy Vologdy: “gorod dobrykh del”, “kul'turnaya stolitsa russkogo severa” ili “komfortnyy gorod”? [The image of an ideal Vologda: “the city of good deeds”, “the cultural capital of the Russian north” or “comfortable city”?]. *Ledentsovskie chteniya. Biznes. Nauka. Obrazovanie* [The Ledentsov Readings. Business. Science. Education]. Proc. of the Third International Conference. pp. 329–332.
18. Kornev, I.N. (2008) Geographical hermeneutics in the context of the concept of geocultural space. *Regional'nye issledovaniya*. 1. pp. 3–9. (In Russian).
19. Augé, M. (1992) *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Paris: Seuil.
20. Massey, D. (2005) *For Space*. London: SAGE.
21. Castells, M. (2010) *End of Millennium: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. 3. Oxford: John Wiley & Sons.
22. Paukaeva, A.A. & Luchkova, V.I. (2016) Formirovaniye komfortnoy sredy otkrytogo obshchestvennogo prostranstva goroda v usloviyakh kholodnogo klimata [Formation of a comfortable

environment of an open public space of the city in a cold climate]. In: *Novye idei novogo veka* [New Ideas of New Century]. Vol. 1. pp. 269–275.

23. Dridze, T.M. (1994) Na poroge ekoantropotsentricheskoy sotsiologii [On the threshold of ecoanthropocentric sociology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – *Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 97–103.

24. Dridze, T.M. (1993–1994) Sotsial'no znachimye protsessy kak ob'ekt upravleniya (k ekoantropotsentricheskoy paradigme nauchnogo poznaniya sotsial'noy real'nosti) [Socially significant processes as an object of management (towards the ecoanthropocentric paradigm of scientific cognition of social reality)]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* – *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 3–4. pp. 164–170.

25. Dridze, T.M. (1999) Urbanizm i gorodskaya politika v svete ekoantropotsentricheskoy sotsiologii [Urbanism and urban politics in the light of eco-anthropocentric sociology]. In: Sayko, E.V. (ed.) *Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva* [Urbanization in the formation of sociocultural space]. Moscow: RAS. pp. 219–228.

26. Dridze, T.M. (1998) Ekoantropotsentricheskaya paradigma v sotsial'nom poznanii i sotsial'nom upravlenii [Ecoanthropocentric paradigm in social cognition and social management]. *Che-lovek*. 2. pp. 95–105.

27. Russia. (n.d.) *Proekt tsifrovizatsii gorodskogo khozyaystva “umnyy gorod”* [The “smart city” project of urban economy digitalization]. [Online] Available from: https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/?sphrase_id=954746 (Accessed: 23rd April 2020).

28. Dridze, T.M. (1998) Sotsial'naya diagnostika v gradoustroystve [Social diagnostics in urban planning]. *Sotsiologicheskie issledo-vaniya* – *Sociological Studies*. 2. pp. 94–98.

29. Mercer Human Resource Consulting. (2011) *Reyting gorodov po kachestvu zhizni (2011 g.)* [Rating of cities by quality of life (2011)]. [Online] Available from: <http://www.education-medelle.com/articles/rejting-gorodov-po-kachestvu-zhizni.html> (Accessed: 23rd April 2020).